

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.61>

КАТЕГОРИЯ МОЛИТВЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

Храмешин С.Н.^{1*}, Панищев А.Л.²¹ ORCID : 0000-0002-1074-0649;² ORCID : 0000-0003-4327-1225;^{1,2} Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (profes.inter[at]gmail.com)

Аннотация

Данная статья посвящена категории молитвы в её осмыслении в рамках русской религиозной философии. В статье констатируется, что русская философия характеризуется развитием религиозных мотивов. Их сила была детерминирована, с одной стороны, усилением материалистических учений и атеизма в обществе, а, с другой стороны, личной искренней религиозной верой самих представителей русской философии. Осмысление религиозных идей в России проходило и в рамках внутрицерковной среды, и в учениях светских мыслителей. Среди феноменов религиозной жизни, изучавшихся философами, в данной статье обращается внимание на молитву, ценность которой подчёркивалась русскими мыслителями. В.С. Соловьёв изучал молитву в рамках своего учения о богочеловечестве, где молитва была средством преобразования человека и приближения его к Царствию Божьему, которое, по мнению Соловьёва, восторжествует на земле. И.А. Ильин подчёркивал утопичность идеи становления богочеловечества на земле, однако он в своих трудах также выразил позицию, согласно которой молитва есть обязательная и значимая составляющая жизни человека.

Ключевые слова: молитва, русская философия, духовность.

THE CATEGORY OF PRAYER IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Research article

Khrameshin S.N.^{1*}, Panishchev A.²¹ ORCID : 0000-0002-1074-0649;² ORCID : 0000-0003-4327-1225;^{1,2} Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (profes.inter[at]gmail.com)

Abstract

This article is dedicated to the category of prayer in its comprehension within the framework of Russian religious philosophy. The article states that Russian philosophy is characterized by the development of religious motives. Their strength was determined, on the one hand, by the intensification of materialistic doctrines and atheism in society, and, on the other hand, by the personal sincere religious faith of the representatives of Russian philosophy themselves. The comprehension of religious ideas in Russia took place both within the intra-church environment and in the teachings of secular philosophers. Among the phenomena of religious life studied by philosophers, this article draws attention to prayer, the value of which was emphasized by Russian thinkers. V.S. Soloviev studied prayer within the framework of his doctrine of God-manhood, where prayer was a means of transforming man and bringing him closer to the Kingdom of God, which, according to Soloviev, would prevail on earth. I.A. Ilyin emphasized the utopianism of the idea of God-manhood on earth, but he also expressed in his writings the position that prayer is an obligatory and significant component of human life.

Keywords: prayer, Russian philosophy, spirituality.**Введение**

Русская философия как феномен культуры обладает рядом особенностей, среди которых традиционно исследователи акцентируют внимание на её религиозности. Причин для развития русской философии в русле религиозных традиций много. Тут следует учесть и исторический опыт страны, которая в кризисные периоды выживала благодаря прямой поддержке Церкви, и реалии XIX века, когда становление русской философии проходило в условиях зависимости Церкви от государственной власти, представленной Святейшим Синодом. При этом вопросы, сформированные в русской культуре, не могли найти ответов в рамках позитивизма или бытового мышления, стало быть, нуждались в философско-религиозном осмыслении [8, С. 9-10]. Польская исследовательница Ольга Кренжолек, описывая специфику русской философии, отмечает: «Была исключена огромная группа культурных явлений, ... которая не укладывалась в рамки строгой и узкой концепции «научности» [5, С. 277-278]. Религия, будучи составляющей русской культуры на момент середины XIX века, стала той областью, из которой сформировались основные векторы философских исследований.

Так или иначе, почти все мыслители XIX века в своих трудах в той или иной степени касались религиозной жизни. Это относится и к славянофилам, и к западникам, и к последующим философам. Лишь в советский период истории России темы религиозного характера перестали быть преобладающими, однако они не исчезли и продолжали исследоваться, пусть и не в столь больших масштабах, как до 1917 года. Причём не следует считать, что снижение в социальном бытии роли религии как-либо связано с политикой большевистской партии, таковая скорее фиксировала

существующие тенденции и манипулировала ими. «Нет возможности объяснить массовую утрату веры одним только насилием; даже при тоталитарном режиме насилие всемогуще лишь постольку, поскольку оно может опираться на реальности общественной психологии, им не творимой, а лишь умело стимулируемой и используемой» [1, С. 284]. В философии русского космизма причудливо переплелись и мотивы христианского вероучения, и позитивистские тренды, и общественные ожидания и надежды. Философы-космисты не видели большого смысла в молитве. Они считали, что «молитвы христианских подвижников, отцов... бесплодны. Если Фёдоров не верит в молитву, то в силу журналистики он верит безусловно» [2, С. 41]. Однако философия космизма, хотя и оставила заметный след в русской философии, повлияла на развитие советской космонавтики, но не стала общей интенцией в русской культуре. В научном мире к идеям космизма относились как к утопичным проектам, а в общественном сознании – как к некой экзотике, которая никогда не заменит христианского вероучения. Глубокая религиозная вера русских философов и литераторов настолько вжилась в русскую культуру, что изучение собственно русской философии и литературы уже сродни приобщению к христианским ценностям. Одним из феноменов религиозной жизни, получившим целенаправленное философское исследование, стала молитва. В данной статье мы покажем то, как в русской философии осмысливалась категория молитвы, насколько детально изучался её смысл и содержание.

Основные результаты

В некоторой степени религиозная компонента русской философии стала реакцией на становление материалистических учений в Европе, таких как марксизм, и на усиление атеистических тенденций в стране. Особенно пагубно влияла на религиозное сознание народа синодальная зависимость Церкви от государственной власти. Это обстоятельство заметно подрывало авторитет священства в глазах общества. Философское осмысление духовных ценностей было попыткой защитить религию перед обществом в условиях надвигающегося кризиса религиозного и нравственного сознания социума. В отличие от некоторых политических деятелей русские религиозные философы были лично верующими людьми, искренне считавшие христианское вероучение правильным. Для В.С. Соловьёва Церковь была не областью заработка или карьерного роста, а составляющей мышления. Говоря о Боге, он мыслил не о доходах казны или авторитетности царской власти, а о духовном становлении человечества, пусть и в рамках утопического проекта.

Русская философия традиционно стремилась объединить религиозную веру и философские учения, что привело к появлению таких направлений, как религиозный философский идеализм. Собственно говоря, частью русской философии является богословская мысль, представленная трудами Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкий)... Тем не менее данные люди являли собой служителей Церкви, они были рукоположены в священники, так что их воззрения целостно зиждились на христианском вероучении. В данной статье мы обратим внимание на тех мыслителей, которые, будучи светскими людьми, посвятили часть своих исследований феномену молитвы. Среди таковых мыслителей отметим В.С. Соловьёва, И.А. Ильина. Воззрения этих людей не всегда соответствуют догматическому богословию Церкви, однако они не священники и определённые вольности в их трудах не были предосудительными. В их воззрениях отразились интенции русской культуры. Конечно, учение В.С. Соловьёва о богочеловечестве выглядит привлекательно, по силе мышления масштабно, но является утопией. Тем не менее понимание этими людьми молитвы в целом ни в чём не противоречит христианскому вероучению.

В.С. Соловьёв считал, что смысл человеческой жизни состоит в построении Царствия Божьего на земле, причём люди в таковом будут бессмертны. Средства для достижения таковой благородной цели лежат, во-первых, в сохранении природных основ человека; во-вторых, в преодолении им самого себя и уподоблении Богу. В первом случае речь идёт об этических нормах, среди которых особый антропологический смысл отводится чувствам доброты и стыда. В деле теозиса (обожения) особое место занимает чувство благоговения. Среди форм выражения такового В.С. Соловьёв называл молитву. Именно молитва свидетельствует о живой религиозной вере. «Не верить в добро есть нравственная смерть, верить в себя одного как источники добра – есть безумие. Верить в божественные источники добра и молиться Ему, отдавая Ему свою волю во всём, есть истинная мудрость и начало нравственного совершенства» [9, С. 140]. Мыслитель, ссылаясь на библейскую фразу, что вера без дел мертва, молитву называет первым делом, с которого начинается верная религиозная жизнь. Молитва есть свидетельство веры, причём в русской философии это свидетельство носит не формальный характер, а смысл, наполняющий собой практическую деятельность людей. «Вера без дел мертва, а дела без веры ещё хуже, одна только трата времени и больше ничего», пишет А.П. Чехов – [11, С. 220]. Здесь важно подчеркнуть, что для верующего человека молитва есть труд, конкретное действие, которое имеет не меньшее значение, чем труд материальный, например, рабочего у станка на заводе. К трудовому народу В.С. Соловьёв относился с уважением и состраданием (в то время положение рабочих и крестьян было очень тяжёлым), его производительную деятельность он чтит. Однако, не принижая материального труда, мыслитель подчёркивал, что без духовного развития весь этот труд не принесёт ожидаемой пользы и только в религиозном становлении личности её труд окажется полезным людям и угодным Богу.

В молитве человек не просто просит о чём-то Бога, он выражает согласие с Ним, в самом обращении к Нему признаёт Бога в качестве своего Господа. Более того, молитва есть свидетельство добровольного принятия веры и открытие человеком своей души к Святому Духу. «Пока наш мир сам не хочет быть царствием Божиим, до тех пор Бог и не царствует в нём, и этот мир остаётся землёю, отделённую от небес, землёю, на которой нет воли Божией» [9, С. 145]. Молитва же раскрывает перед человеком возможность для реализации воли Бога на земле и, прежде всего, в себе самом. Обратим внимание на то, что молитва для В.С. Соловьёва есть не просто средство для нравственного роста, но и путь к духовному преображению всего человеческого существа. «Если бы человек был доступен нам только извне, посредством рассудка с его общими формами, как все другие предметы, то он казался бы нам совершенным чудом. Но это чудо – мы сами, и таким образом именно тут, где формы представления имеются окончательно недостаточными средствами понимания, нам открывается другой источник познания – внутреннего и непосредственного – вследствие того, что здесь познающее совпадает с познаваемым» [10, С. 83]. Не следует искать исключительно рациональное

объяснения молитвы, так как сам человек выше рациональности, формируя в себе высокую духовность, он её в самом себе и познаёт, приближаясь тем самым к Богу.

Особое значение молитвы состоит в помощи при преодолении искушений. В.С. Соловьёв подчёркивает то, что собственно искушение, грехи в качестве таковых воспринимаются лишь религиозными, совестливыми людьми, а для тех, кто пренебрегает духовным благочестием, пороки нормативны. «Искушение бывает только для людей духовных, или людей Божиих. Человек безбожный, чтобы творить зло, не нуждается в искушении: он творит зло просто в силу своей испорченной природы, по закону греха, который уже обладает им» [9, С. 155]. Молитва для верующего человека есть одно из средств для преодоления искушений.

В.С. Соловьёв считал, что молитва должна быть не только словесной формой общения с Богом, но и действием, которое постоянно присутствует в жизни человека. Он считал, что молитва может происходить в любое время, в любом месте и в любой форме, от вербальной до невербальной. Мыслитель также подчёркивал, что молитва должна быть чистой и направленной на духовное благо, освобождать от порочных зависимостей, содействовать духовному росту и ответственному поведению.

Кроме того, В.С. Соловьёв утверждал, что молитва невозможна без любви к Богу и должна, прежде всего, отражать желание человека не материального, а духовного характера, содействовать становлению богочеловечества. В.С. Соловьёв, обозначая смысл жизни людей в их богочеловеческом становлении, подчёркивает общее правило христианства и русской религиозной философии. «Тварные существа – как пишет Н. Лосский – ограничены; своими единоличными силами ни одно из них не может осуществить абсолютную полноту бытия» [6, С. 151]. Через молитву же человек осуществляет своё бытие. Разумеется, молитва не единственное и само по себе не абсолютное средство для стяжания Святого Духа, но оно, в комплексе с личным благочестием, любовью к ближнему, обязательное. Молитва не несёт в себе меркантильных интересов, целесообразности в контексте приобретения материальных благ, но в ней иная рациональность. «Чтобы войти в интеллектуальное соприкосновение с Богом, ум человеческий должен постепенно освободиться от тирании форм своего мышления – чувственности и множественности» [7, С. 40]. Именно в таком понимании духовной жизни раскрывается уникальность человеческого бытия.

Отдельное внимание молитве уделял другой русский философ – И.А. Ильин. Вряд ли уместно говорить, что его религиозные воззрения представляют собой комплексное учение, но философские эссе, популяризовавшие категории русской культуры заслуживают отдельного обсуждения. Молитву И.А. Ильин воспринимал как средство поиска совершенства и приближения к Богу. «Духовный опыт есть обращение души к духовному Совершенству, искание Его, спрашивание о Нём, призыв к Нему, попытка осуществить Его» [3, С. 452]. При этом спецификой христианской молитвы он считал её неотъемлемость от любви к Богу и людям. Молитва имеет глубокий нравственный смысл, приучает человека к мышлению в этических категориях. «Нелепо молиться о грехе – нелепо и кощунственно» [3, С. 458]. Человек, приступающий к молитве, прежде всего, должен упорядочить ход своих мыслей и избавиться от порочных страстей хотя бы на время молитвы. Истинная молитва охватывает все помыслы человека, направляя их к высшему благу. «Возвращаясь к себе после такой молитвы, человек чувствует себя так, как если бы он удостоился посетить свою исконную и священную родину; или ещё – как если бы обновилось самое естество (субстанция) его духовной личности; как если бы его омыл благодатный поток чистоты...» [4, С. 609]. Такое возвышенное отношение к молитве в целом свойственно любому искренне верующему человеку, однако в трудах И.А. Ильина оно нашло литературное осмысление и выражение.

Заключение

Подводя итоги данной работы, мы можем констатировать то, что русская философия в своей религиозности отразила многие феномены духовной жизни русской общества конца XIX-начала XX столетий. Это время уже проходило в условиях начавшегося духовного кризиса, усиления материалистических настроений в социуме. Тем не менее философское осмысление феноменов уже уходящей в историю культуры оставило большой след в российской гуманитарной науке и несколько смягчило последствия социальных потрясений в России в первой четверти XX века. Среди множества феноменов религиозной жизни в русской философии отдельно была исследована молитва, причём в трудах В.С. Соловьёва она стала составляющей его учения о богочеловечестве. И.А. Ильин к такому учению относился как к несбыточной мечте, однако также в своих трудах уделял молитве большое внимание.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.61.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.61.1>

Список литературы / References

1. Аверинцев С.С. София-Логос / С.С. Аверинцев. — К.: Дух і Літера, 2001. — 460 с.
2. Гаврюшин Н.К. По следам рыцарей Софии / Н.К. Гаврюшин. — М., 1998. — 212 с.
3. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. — М.: АСТ, 2002. — 586 с.
4. Ильин И.А. Религиозный смысл философии / И.А. Ильин. — М.: АСТ, 2003. — 694 с.
5. Кренжолек О. Стереотипность понимания наукой духовности и его последствия для литературоведения в частности европейской культуры XX века в целом / О. Кренжолек // Материалы IX Международной конференции

«Европейская русистика и современность» Стереотипность как концептосфера в русском языкознании, литературоведении, культурологии и лингводидактике. — Познань, 2001. — С. 275-283.

6. Лосский Н.О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский. — Харьков: Фолио; М: АСТ, 2000. — 864 с.

7. Попов И.В. Труды по патрологии. В 2 т. Т. 1 Святые отцы II-IV вв. / И.В. Попов. — Сергиев Посад, 2004. — 274 с.

8. Серякова Т.Н. «Подвиг» и «схема» в антропологической стратегии христианства / Т.Н. Серякова // Человек диагноз и прогноз. — Курск, 2004. — С. 8-14.

9. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни / В.С. Соловьёв // Избранные произведения. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 122-275.

10. Соловьёв В.С. Философское начало цельного знания / В.С. Соловьёв. — Минск, 1999. — 912 с.

11. Чехов А.П. Сочинения. В 4 т. Т. 2. Рассказы и повести 1888-1895 / А.П. Чехов. — М.: Правда, 1984. — 544 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Averincev S.S. Sofija-Logos [Sophia-Logos] / S.S. Averincev. — K.: Duh I Litera [Spirit and Letter], 2001. — 460 p. [in Russian]

2. Gavryushin N.K. Po sledam rycarej Sofii [In the Footsteps of the Knights of Sophia] / N.K. Gavryushin. — M., 1998. — 212 p. [in Russian]

3. Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of Religious Experience] / I.A. Il'in. — M.: AST, 2002. — 586 p. [in Russian]

4. Il'in I.A. Religioznyj smysl filosofii [The Religious Meaning of Philosophy] / I.A. Il'in. — M.: AST, 2003. — 694 p. [in Russian]

5. Krenzholek O. Stereotipnost' ponimaniya naukoy duhovnosti i ego posledstvija dlja literaturovedeniya v chastnosti evropejskoj kul'tury HH veka v celom [The Stereotype of Science's Understanding of Spirituality and Its Implications for Literary Studies in Particular Twentieth Century European Culture in General] / O. Krenzholek // Materialy IX Mezhdunarodnoj konferencii «Evropejskaja rusistika i sovremennost'» Stereotipnost' kak konceptosfera v russkom jazykoznanii, literaturovedenii, kul'turologii i lingvodidaktike [Materials of the IX International Conference "European Russian Studies and Modernity" Stereotypicality as a Conceptosphere in Russian Linguistics, Literary Studies, Cultural Studies and Linguodidactics]. — Poznan, 2001. — P. 275-283. [in Russian]

6. Losskij N.O. Cennost' i Bytie: Bog i Carstvo Bozhie kak osnova cennostej [Value and Being: God and the Kingdom of God as the Foundation of Values] / N.O. Losskij. — Kharkiv: Folio; M: AST, 2000. — 864 p. [in Russian]

7. Popov I.V. Trudy po patrologii. V 2 t. T. 1 Svjatye otcy II-IV vv. [Works on Patrology. In 2 vol. Vol. 1. The Holy Fathers of the 2nd to 4th centuries] / I.V. Popov. — Sergiev Posad, 2004. — 274 p. [in Russian]

8. Serjakova T.N. «Podvig» i «shema» v antropologicheskoy strategii hristianstva ["Subjection" and "Schema" in the Anthropological Strategy of Christianity] / T.N. Serjakova // Chelovek diagnoz i prognoz [Human Diagnosis and Prognosis]. — Kursk, 2004. — P. 8-14. [in Russian]

9. Solov'jov V.S. Duhovnye osnovy zhizni [The Spiritual Foundations of Life] / V.S. Solov'jov // Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. — Rostov-on-Don, 1998. — P. 122-275. [in Russian]

10. Soloviev V.S. Filosofskoe nachalo cel'nogo znaniya [The Philosophical Beginning of Integral Knowledge] / V.S. Soloviev. — Minsk, 1999. — 912 p. [in Russian]

11. Chehov A.P. Sochinenija. V 4 t. T. 2. Rasskazy i povesti 1888-1895 [Works. In 4 vol. Vol. 2 Stories and Novels 1888-1895] / A.P. Chehov. — M.: Pravda, 1984. — 544 p.